
Марина Иккес
Два проклятия
18+

Марина Иккес

Два проклятия

«Автор»
2026

Иккес М. А.

Два проклятия / М. А. Иккес — «Автор», 2026

Поезд задерживается на сорок минут посреди глухого северного леса. Случайная прогулка от платформы приводит фотографа Рэя к единственному жилому дому в заброшенной деревне — и эта задержка навсегда меняет две судьбы.За плечами Рэя — больше трёх столетий чужих эпох, потерь и выжженной усталости. Впереди у девятнадцатилетней Наи — мечты о переезде в город, учёбе и настоящей жизни, которой ей так не хватает в лесной тишине. Она ещё не знает, что через несколько дней, в первое полнолуние после двадцатилетия, в её крови проснётся древнее родовое проклятие, привязывающее всех женщин её семьи к лесному озеру.Единственный шанс спасти девушку от необратимого зова воды — попытаться перебить одно проклятие другим. Но никто не знает, что произойдёт, когда в жилах столкнутся две враждебные стихии, и кто из них двоих переживёт эту ночь.Первая книга цикла на стыке мистического реализма, психологической драмы и тёмного городского фэнтези. Внутри книги — авторские кинематографичные иллюстрации

© Иккес М. А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 13
Глава 3 17
Глава 4 21
Глава 5 23
Конец ознакомительного фрагмента. 27

Марина Иккес
Два проклятия

Глава 1

Пассажирский поезд начал сбавлять ход неожиданно и как-то неохотно, словно сам состав сопротивлялся торможению.

Сначала на это никто не обратил внимания. За пыльными окнами плацкартного вагона всё так же тянулась бесконечная зелёная стена северного леса, мелькали мокрые от недавних дождей овраги, заполненные тёмной стоячей водой, редкие покосившиеся столбы. Но проходила минута за минутой, стук колёс становился всё реже и глуше, пока наконец вагоны с протяжным металлическим лязгом буферов не замерли окончательно.

Мужчина, сидевший на самом последнем месте — нижней боковой полке возле туалета, — медленно повернул голову к окну.

Когда утром он брал билет в один конец, ему было совершенно всё равно, какое место достанется, сколько часов трястись в дороге и кто окажется рядом. Мимо него то и дело сновали люди, хлопала тугая дверь в тамбур, пахло дешёвым мылом, остывшим чаем и влажной пылью, но он сидел неподвижно, глядя сквозь мутное стекло в пустоту.

За окном не было ни вокзала, ни перрона, ни пристанционных построек — только глухой, заросший полустанок, каких сотни разбросано по старым северным веткам. Узкая бетонная платформа, давно просевшая и потрескавшаяся от времени, старый покосившийся навес со следами ржавчины и облупившаяся жестяная табличка, буквы на которой размыло дождями так, что название едва читалось. Казалось, лес здесь вплотную подступил к самым рельсам, готовый поглотить и эту платформу, и застрявший на путях поезд.

Первые десять минут в вагоне стояла сонная тишина. Пассажиры лениво переглядывались, уверенные, что состав просто пропускает встречный товарняк. Но время шло, поезд не трогался, а выключенная на стоянке вентиляция быстро превратила переполненный плацкарт в душную, нагретую коробку.

Наконец под потолком сухо щёлкнул динамик, и по всем вагонам разнёсся глухой, равнодушный голос:

— Уважаемые пассажиры, поезд задерживается на сорок минут по техническим причинам. Просьба сохранять спокойствие и оставаться на своих местах.

Тишина в вагоне лопнула мгновенно.

— Сорок минут?! Вы издеваетесь? — громко возмутился грузный мужчина с центральной полки, обмахиваясь сложенной газетой. — Мы тут задохнёмся за сорок минут!

— Хотя бы двери откройте, воздуху впустите! — подхватил женский голос с другого конца вагона.

Недовольный гул нарастал, перекатываясь от отсека к отсеку. Уже через пару минут несколько человек столпились у купе проводницы в начале вагона. Женщина в форменной жилетке вышла в проход с таким усталым лицом, будто знала весь этот спор наизусть ещё до того, как он начался.

— Товарищи, не шумите, — попыталась она перекрыть голоса. — Техническая стоянка, расписанием не предусмотрена. Выпускать не положено.

— Да какое там «не положено»! — наседали пассажиры. — Полсостава с детьми, духота страшная, окна не открываются! Свяжитесь с начальником поезда, пусть откроют двери на платформу, мы хоть подышим, покурить выйдем!

Проводница тяжело вздохнула, потёрла висок и призналась уже тише:

— Да я бы и сама на воздух вышла, тут как в бане… Сейчас узнаю, подождите.

Она скрылась в служебном купе и сняла трубку внутреннего телефона. Видимо, точно такая же картина сейчас творилась и в остальных вагонах, потому что переговоры со штабным вагоном и машинистом длились недолго. Уже через минуту динамики снова ожили:

— Внимание по поезду. Пассажирам разрешается выход на платформу на время вынужденной стоянки. Убедительная просьба не отходить от вагонов и вернуться на места по первому звуковому сигналу.

Раздражение в плацкарте тут же сменилось шумным оживлением. Люди принялись спускать ноги с верхних полок, шарить в поисках пачек сигарет и тянуться к выходу в тамбур.

Мужчина на нижней боковушке у туалета не двигался ещё несколько секунд. Он не собирался никуда выходить. В том оцепенении, в котором он находился последние месяцы, не имело значения, где сидеть — в душном вагоне или на сыром ветру. Но спёртый, тяжёлый воздух вагона, пропитанный чужим потом и дорожной суетой, вдруг стал физически невыносим.

Поднявшись во весь рост, он перекинул через плечо ремень небольшой дорожной сумки, в которой не было почти ничего, кроме старой потёртой камеры, и неспешно пошёл через весь вагон к открытому тамбуру.

Люди в проходе невольно расступались, бросая на него короткие взгляды. Для конца августа — пусть даже пасмурного и прохладного — он был одет слишком странно: глухая тёмная кофта с длинными рукавами, длинный чёрный плащ и старая широкополая шляпа, отбрасывающая тень на светлые волосы и бледное, осунувшееся лицо с тёмно-серыми, будто выцветшими глазами. В этой одежде не было желания выделиться — только полное безразличие. Он натянул первое, что попалось под руку, лишь бы отгородиться от остального мира глухой чёрной бронёй.

Спустившись по крутым железным ступенькам на платформу, он остановился в стороне от шумной толпы курильщиков и глубоко втянул воздух.

После вагонной духоты лесная прохлада ударила в лёгкие почти до головокружения. Пахло мокрой хвоей, прелой листвой, холодным железом и чем-то ещё — глубоким, тревожным и первозданным, чего никогда не бывает вблизи больших городов. Ветер в верхушках вековых елей шумел ровно и глухо, словно отдалённый прибой, а сам лес стоял стеной, тёмный и настороженный.

Мужчина медленно повернул голову. Там, где обрывался край потрескавшейся платформы, за старым ржавым навесом виднелась узкая тропинка, ныряющая прямо в густые заросли.

Она была едва заметной — примятая трава да влажная тёмная земля, по которой явно ходили совсем редко. Ему незачем было туда идти. Его маршрут лежал дальше на север, к холодному морю и пустым болотам, где он рассчитывал наконец обрести тишину и поставить точку. Но почему-то сейчас, глядя на этот узкий просвет между деревьями, он ощутил внутри странный, тихий толчок. Будто многотонный состав остановился посреди глуши не случайно, а только ради того, чтобы он увидел эту тропу.

Не отдавая себе отчёта, зачем он это делает, мужчина шагнул с края платформы в мокрую траву и пошёл вглубь леса.

Тропинка петляла между мокрыми стволами сосен и елей, уводя всё дальше от железной дороги. С каждым шагом голоса пассажиров и перестук вагонных генераторов за спиной глохли, вязли в густом ельнике, пока не растворились совсем. Остались только мягкий шорох травы под ботинками, запах грибной сырости да далёкий, размеренный стук дятла где-то в вышине. Казалось, стоило сделать всего сотню шагов от рельсов — и время вокруг потекло совершенно иначе.

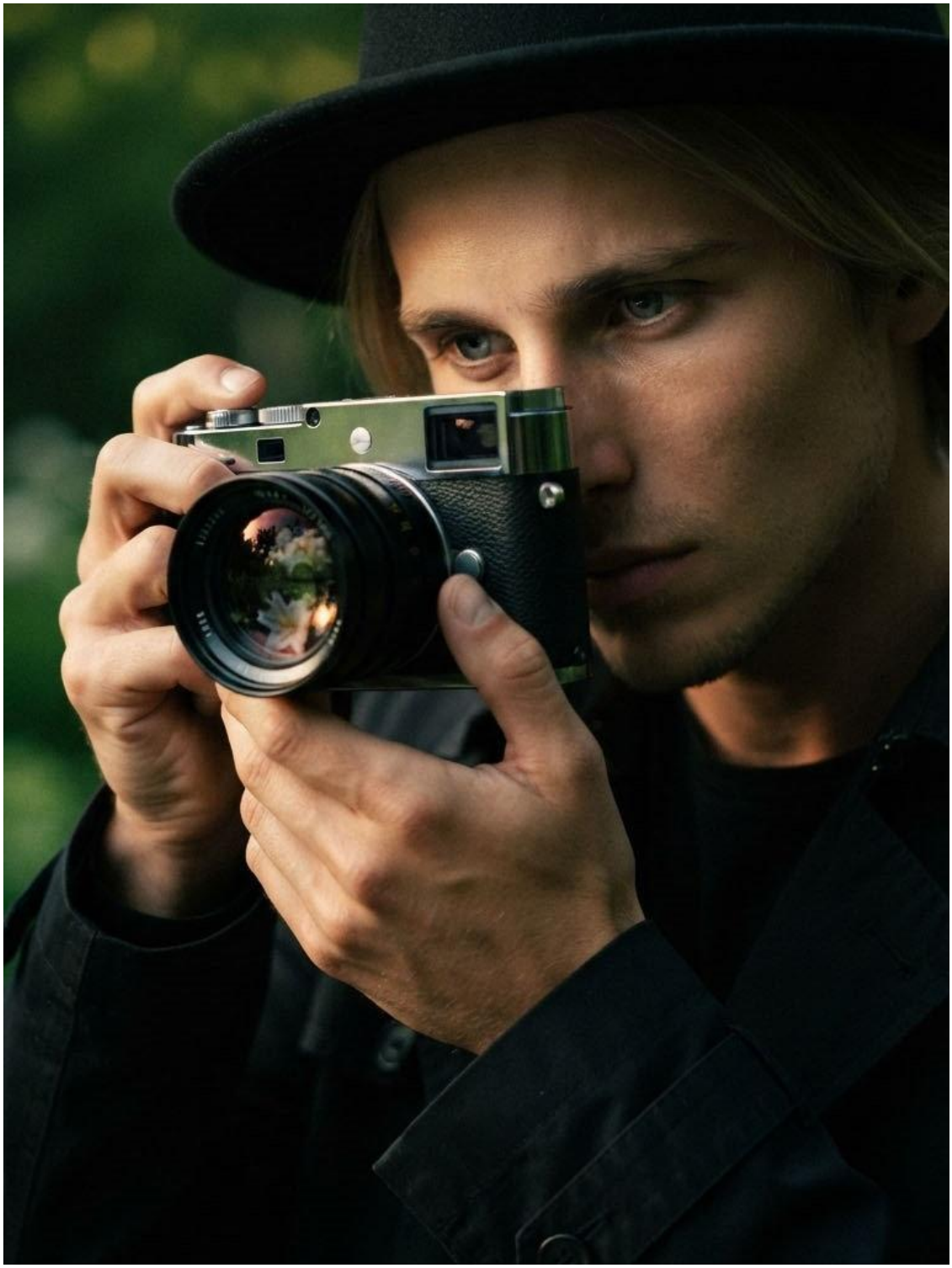
Через несколько минут деревья впереди расступились, впуская больше рассеянного дневного света.

За невысоким деревянным забором показался старый двухэтажный дом, сложенный из потемневшего от времени бруса, а перед ним — удивительно ухоженный, живой сад. Среди лесной глуши и заброшенности он выглядел почти нереально: вдоль дорожек пышными гроздьями цвели крупные белые лилии, на лепестках которых ещё дрожали тяжёлые капли недавнего дождя.

Мужчина остановился у самой ограды.

Внутри него что-то дрогнуло — не человеческое любопытство, а старый, въевшийся в подкорку за десятилетия рефлекс фотографа. Холодный, рассеянный свет пасмурного неба падал на белые чашечки цветов под таким чистым углом, что рука сама собой потянулась к дорожной сумке. Он достал старую камеру с потёртым корпусом и царапиной у объектива, снял защитную крышку и, пригнувшись к штакетнику, навёл резкость.

Сухо щёлкнул затвор. Потом ещё раз.

— Красивые, правда? — раздался совсем рядом негромкий женский голос.

Он вздрогнул от неожиданности и медленно опустил камеру, поднимая взгляд.

По ту сторону невысокого забора, у разросшегося куста жасмина, стояла стройная темноволосая женщина лет сорока с небольшим — в аккуратном кардигане поверх серой рубашки, узких джинсах и высоких садовых сапогах, с секатором в руке. В первую секунду она и сама насторожилась, заметив у своей ограды высокого незнакомца во всём чёрном. Но стоило ему поднять голову, чтобы из-под полей шляпы открылось лицо, как её брови чуть приподнялись.

Случайный путник оказался на редкость хорош собой — светлые пряди у чётко очерченных скул, прямой взгляд глубоких серых глаз, спокойная, породистая выправка. В такой глуши, где годами не встретишь никого, кроме редких грибников с соседней станции, подобный мужчина у калитки выглядел почти нереально. Женщина скользнула быстрым, оценивающим взглядом по его фигуре, задержалась на профессиональном фотоаппарате в длинных пальцах, и настороженность в её глазах сменилась живым женским любопытством и лёгкой, чуть кокетливой полуулыбкой.

— Простите, — негромко произнёс он, отступая на полшага от штакетника. — Я не хотел вторгаться. Просто свет лёг очень удачно.

— Да полно вам извиняться, — она убрала со щеки каштановую прядь тыльной стороной запястья и отложила секатор на скамейку. — Мне, наоборот, приятно, что мою работу снимают на хорошую оптику, а не просто проходят мимо. А вы, надо полагать, с поезда? Слышала, состав на перегоне тормознул.

— Да. Объявили стоянку на сорок минут, выпустили подышать. — Он обвёл взглядом тихую улицу и заросшие высоким иван-чаем пустые участки по соседству, где лишь кое-где из бурьяна торчали старые каменные фундаменты. — Удивительное место. Станция рядом, такой ухоженный сад, а вокруг — ни одного соседнего дома.

Хозяйка подошла ближе к калитке, опёршись ладонями о верхнюю планку и с явным удовольствием продолжая разглядывать необычного собеседника:

— Деревня здесь когда-то была живая. Но дороги плохие, до города далеко — вот люди постепенно и разъехались. Пустые избы долго стояли бесхозными, а пару лет назад их снесли по решению администрации, чтобы сухостой у самого леса не держали — мало ли, пожар. В итоге на весь край только наш дом и остался.

— Совсем одни в таком лесу? — спросил он.

— Ну почему же одни? — усмехнулась она. — У меня тут муж, старшая дочка на каникулах да десятилетний сын. Так что тишина относительная.

Мужчина невольно перевёл взгляд на дом — и вдруг заметил за стеклом второго этажа короткое движение.

Там, в полумраке комнаты, стояла девушка и пристально смотрела прямо на него сверху вниз. Встретившись с ним глазами, она резко отшатнулась вглубь комнаты, и белая кружевная занавеска тут же качнулась, скрывая окно.

Хозяйка проследила за его взглядом и негромко рассмеялась:

— Это Ная из окна выглядывает. Не обращайте внимания, у нас тут новый человек на улице — событие сезона, тем более такой приметный.

— Похоже, в этом плаще я и правда выгляжу странно, — угол его губ впервые за весь день дрогнул в слабой усмешке.

— Скажем так: весьма кинематографично, — с мягкой иронией заметила она и, чуть помедлив, распахнула калитку. — Слушайте, раз уж у вас ещё есть время до отправления, заходите внутрь. У дальней стены такие тигровые лилии распустились — с дороги их не видно, а ракурс там куда интереснее. Сумку можете вон на скамейку у входа положить, чтобы не мешала.

Он поколебался секунду, но спорить не стал. Снял через голову ремень дорожной сумки, опустил её на деревянную лавку у калитки и шагнул в сад.

— Мы ведь даже не представились, — хозяйка повернулась к нему, чуть склонив голову к плечу. — Меня Вера зовут.

— Очень приятно. А я Рэй.

— Просто Рэй? — в её карих глазах снова мелькнул живой интерес. — Необычное имя. Псевдоним?

— Почти. Долгая история, но я давно к нему привык.

Следующие пятнадцать минут прошли неожиданно легко. Вера явно соскучилась в лесной глуши по свежим людям: она со знанием дела, совсем не по-деревенски рассказывала о планировке участка, редких луковицах и капризном северном грунте, то и дело с любопытством поглядывая, как уверенно и профессионально двигаются руки гостя, когда он выстраивает кадр. А сам Рэй поймал себя на странной мысли: впервые за всё это бесконечно долгое, выжженное лето внутри него отступила та мёртвая пустота, с которой он садился утром в вагон.

Именно поэтому он не сразу осознал, что тишину леса разорвал далёкий, искажённый эхом голос из станционного громкоговорителя:

«…поезд отправляется. Просьба занять свои места».

Следом над верхушками сосен прокатился низкий, протяжный гудок локомотива.

Рэй резко выпрямился, словно очнувшись от гипноза.

— Чёрт… Поезд.

— Бегите скорее через тропинку! — спохватилась Вера. — Может, ещё успеете к последнему вагону!

Не думая о сумке, оставшейся на садовой скамейке, Рэй с камерой в руке вылетел за калитку и бросился бежать обратно по узкой лесной тропе.

Полы длинного плаща путались в высокой мокрой траве, тяжёлые еловые лапы хлестали по плечам, широкополую шляпу то и дело сбивало встречным ветром, но он бежал на пределе человеческой скорости, не смея при свете дня и чужих глазах выдать то, кем был на самом деле. Сквозь поредевшие деревья впереди уже мелькнули серые бока вагонов — состав с тяжёлым перестуком набирал ход.

Когда Рэй выскочил из кустов на потрескавшуюся бетонную платформу, серый хвост последнего вагона уже проскочил стрелку и быстро удалялся, растворяясь в сырой лесной дымке.

Несколько долгих секунд он просто стоял на пустом перроне, глядя вслед ушедшему поезду. По всем законам здравого смысла он должен был разозлиться или ощутить досаду. Но внутри вдруг разлилось странное, почти мистическое затишье. Поезд увёз на север его старое одиночество, его траур и те мрачные мысли, ради которых он покупал билет до конечной станции. А сам он остался здесь — посреди незнакомого леса, с фотоаппаратом в руках.

Переведя дух, Рэй поправил шляпу, развернулся и медленно побрёл обратно по тропинке — хотя бы затем, чтобы забрать оставленную у чужого дома сумку и узнать, в какой стороне здесь трасса.

Вера ждала его у открытой калитки, держа в руках ремень его дорожной сумки. На её лице читалась смесь искренней досады и неловкости.

— Ушёл? — спросила она, когда он подошёл ближе.

— Ушёл, — Рэй криво улыбнулся, убирая камеру в протянутую сумку. — Слишком далеко забрался.

— Вот же неловко вышло… — Вера с досадой покачала головой, поправляя ворот кардигана. — Сама зазвала вас в сад, увлеклась, за временем не уследила — и в итоге оставила посреди леса без поезда.

— Вы тут совершенно ни при чём, Вера, — спокойно ответил он. — У меня своя голова на плечах, сам засмотрелся. Подскажите лучше, в какой стороне отсюда ближайший город или крупная станция? Доберусь пешком, пока совсем не стемнело.

Вера окинула его трезвым, скептическим взглядом — от городских ботинок, уже намокших от высокой травы, до тонкого плаща — и кивнула на набрякшие вечерними сумерками свинцовые тучи над лесом:

— До ближайшей узловой станции пятнадцать километров по старой лесовозной дороге, а автобусы сюда не ходят. Через полчаса в лесу стемнеет, связи на перегоне нет, ни одной попутки до утра не встретите.

Она секунду помолчала, прикидывая варианты, а затем решительно отступила от калитки, жестом приглашая его во двор:

— Значит, сделаем так. Отпускать вас на ночь глядя пешком через лес я не стану — всё-таки от поезда вы из-за моих лилий отстали. Муж у меня дома, места достаточно. Пойдёмте в дом, поужинаете с нами, переночуете, а завтра с утра Миша всё равно в город собирался — довезёт вас на машине прямо до вокзала.

Рэй посмотрел в её уверенное, спокойное лицо и понял, что спорить бессмысленно — да и, по правде говоря, совсем не хочется.

— Если я действительно не стесню вашу семью… я буду вам очень признателен.

— Не стесните, — легко улыбнулась Вера. — Пойдёмте в дом, Рэй.

Он задержался у порога всего на одно мгновение, бросил последний взгляд через плечо на темнеющий лес, за которым скрылась железная дорога, и шагнул следом за ней.

Глава 2

Они поднялись по деревянным ступенькам крыльца и шагнули в дом.

После сырого вечернего воздуха и лесной прохлады внутри сразу окутало обжитым домашним теплом. Из глубины первого этажа вкусно тянуло горячим ужином — запечённым с чесноком мясом, свежим хлебом и сушёными травами, пучки которых висели у входа на кухню. Этот густой запах чужого семейного уюта казался почти непривычным.

Остановившись у порога, Рэй снял широкополую шляпу, провёл ладонью по чуть влажным от тумана светлым волосам и опустил дорожную сумку на пол у стены, не решаясь проходить дальше без приглашения.

— Миш, выходи, у нас гости! — громко позвала Вера, снимая садовую кофту и вешая её на крючок у двери.

За приоткрытой дверью в конце коридора что-то глухо стукнуло, послышался шорох отложенного инструмента, а затем тяжёлые, неторопливые шаги.

Через несколько секунд в прихожую вышел хозяин дома — крепкий, широкоплечий мужчина лет под пятьдесят в простой клетчатой рубашке с закатанными до локтей рукавами. Волос на голове почти не было, а лицо было обветренным — сразу видно, что всю жизнь проработал руками на воздухе. Пальцы у него были перепачканы темным машинным маслом, а в левой руке он всё ещё сжимал старую ветошь, которой только что обтирал детали.

Увидев у своей двери высокого незнакомца во всём чёрном, Михаил остановился, и брови его невольно сдвинулись.

— Знакомься, Миша, это Рэй, — быстро пояснила Вера с лёгкой виной в голосе. — Поезд на перегоне задержали, он вышел прогуляться и заглянул посмотреть на лилии, а я его так заболтала в палисаднике, что состав ушёл без него. Не оставлять же человека на ночь глядя посреди леса.

Михаил ответил не сразу. Он медленно, очень внимательно оглядел нежданного гостя с головы до ног: задержался взглядом на его спокойном лице и серых, немигающих глазах, скользнул по длинному чёрному плащу, ещё хранившему запах вечерней сырости, и отметил небольшую сумку у порога. В этом прищуре не было пустого любопытства — скорее въевшаяся за долгие годы привычка настороженно присматриваться к любому чужаку, случайно забредшему в их глушь. Пауза тянулась всего несколько секунд, но за ней ощущалась тяжёлая, напряжённая работа мысли.

Впрочем, держать гостя на пороге допросом он не стал — лицо его разгладилось, уступая место спокойному радушию хозяина дома. Переложив промасленную тряпку в левую руку и наскоро обтерев правую ладонь о чистый край ткани, Михаил шагнул вперёд:

— Ну, заболтать человека до опоздания — это Вера умеет, хлебом не корми, дай про свои клумбы рассказать. Михаил. Можно просто Миша.

— Рэй, — коротко представился гость, отвечая на рукопожатие. — Извините, что свалился вам как снег на голову.

Стоило их ладоням соприкоснуться, как Михаил едва заметно вздрогнул и снова нахмурился, не сразу разжимая пальцы:

— Руки-то у вас совсем ледяные, как с мороза. Продрогли, видать, в лесу после дождя.

Он отпустил ладонь Рэя, но ещё секунду задумчиво смотрел на него, словно сопоставлял этот странный холод кожи с тем, что гость только что бежал через лес к отправляющемуся поезду. Затем повернулся к жене:

— Ладно, чего мы человека в дверях держим? Вер, давай накрывай на стол, самое время ужинать. Раз уж вы, Рэй, у нас застряли, заодно и домашней стряпни поедите — после вагонного-то пайка самое дело. У Веры так вкусно выходит, что ещё спасибо скажете нашему расписанию.

Вера смущённо отмахнулась, пряча улыбку:

— Скажешь тоже, Миша. Обычный ужин.

— Обычный не обычный, а за уши не оттянешь, — усмехнулся хозяин дома.

Уголок губ Рэя дрогнул в ответной, чуть усталой улыбке:

— Спасибо. Не стану спорить.

И в этот самый момент наверху, на втором этаже, тихо скрипнула межкомнатная дверь, а следом раздались мягкие шаги по деревянным ступенькам.

По лестнице, ведущей прямо в прихожую, неспешно спускалась девушка лет двадцати. Одета она была совсем по-домашнему, явно не рассчитывая увидеть внизу никого чужого: свободная светлая футболка да короткие тёмные шорты, открывающие стройные ноги. Длинные рыжевато-каштановые волосы были небрежно собраны на макушке в мягкий пучок, а в руках, прижав к груди, она держала книгу, от которой, видимо, только что оторвалась у себя в спальне.

Услышав голоса у входа, девушка недоумённо подняла голову и спросила прямо со ступенек:

— Что у вас тут за суета? А вы кто?

И тут же осеклась на полуслове.

Пальцы её непроизвольно сжали деревянные перила. Она сразу узнала в высоком светловолосом мужчине со шляпой в руках того самого странного незнакомца в чёрном плаще, за которым каких-то полчаса назад тайком наблюдала из окна второго этажа. Увидеть его в двух шагах от себя, посреди собственной прихожей, Ная не ожидала совершенно — от растерянности и внезапного смущения за свой домашний вид она так и застыла на середине лестницы.

Рэй тоже поднял голову на звук её голоса — и замер.

Там, в саду, за мелькнувшей кружевной занавеской он видел лишь смутный силуэт в тёмном окне. Сейчас же она стояла перед ним вблизи — живая, растерянная, с широко распахнутыми глазами и чуть приоткрытыми губами. Но сильнее всего его резануло даже не то, насколько красивой она оказалась вблизи. Вместе с тёплым воздухом со второго этажа до него

донёсся тонкий, ни на что не похожий запах её кожи и волос — удивительно чистый и живой, от которого внутри у Рэя, сквозь вековое оцепенение и усталость, вдруг что-то глухо, ощутимо дрогнуло.

Несколько долгих секунд в прихожей стояла звенящая тишина: они оба просто молча смотрели друг на друга, забыв, что в комнате не одни.

Стоявший чуть в стороне Михаил мгновенно уловил эту странную, затянувшуюся заминку и медленно перевёл цепкий, настороженный взгляд с лица гостя на застывшую на ступеньках дочь.

Глава 3

Вера посмотрела на застывшую на лестнице дочь и мягко улыбнулась:

— Ная, чего встала на полпути? Сходи лучше брата позови и помоги мне на стол накрыть.

Девушка словно очнулась. Она перевела взгляд с незнакомца на мать, потом снова посмотрела на него уже чуть смелее:

— Меня Ная зовут. А вы, значит, Рэй?

— Да, — он легко улыбнулся ей в ответ.

Уголки её губ тоже дрогнули в ответной улыбке. Прижав книгу к груди, она развернулась к верхним ступенькам и громко крикнула на второй этаж:

— Дэн! Иди ужинать!

Из комнаты наверху не донеслось ни звука. Ная со вздохом закатила глаза:

— Опять в своих наушниках сидит, ничего вокруг не слышит. — И быстро поднялась обратно по лестнице.

Через четверть часа все уже собрались в столовой за большим деревянным столом. Вера успела сменить садовый кардиган на элегантную светлую блузку и уложить волосы — то ли по давней городской привычке не выходить к ужину в рабочей одежде, то ли присутствие интересного столичного гостя за столом обязывало держать марку. Она поставила в центр глубокую миску с горячим рагу, разложила домашний хлеб, а Михаил с явным удовольствием потёр ладони:

— Ну, как я и обещал — сейчас поужинаете с дороги и думать забудете про свой поезд. У Веры так вкусно выходит, что из-за стола не встанешь.

— С удовольствием проверю, — негромко рассмеялся Рэй, придвигая к себе тарелку.

Неловкость первых минут быстро сошла на нет. За столом было шумно и по-домашнему уютно, а расспрашивали в основном нежданного гостя — откуда едет, чем живёт и как вообще забрёл в их глушь.

— Я ехал из Москвы, много лет работал фотографом, — рассказывал Рэй, неспешно отпивая из стакана, чтобы не привлекать внимания к почти нетронутой тарелке. — Снимал для журналов, выставок, частных архивов. А сейчас захотелось просто поездить по северу без жёстких маршрутов и расписаний. Иногда самые стоящие кадры находятся там, где вообще не планировал выходить. — Он кивнул в сторону окна, за которым темнел палисадник: — Вроде вашего сада.

Вера польщённо улыбнулась, поправляя салфетницы:

— Выходит, это вы из-за моих цветов на поезд опоздали?

— Получается, что так. Свет после дождя лёг так удачно, что не удержался.

— Вот ведь дела, — хохотнул Михаил. — В жизни бы не подумал, что человека в лесу могут сгубить наши розы.

— Не розы, Миш, а лилии, и не наши, а мои, — с тёплой усмешкой поправила мужа Вера и тут же деловито спросила: — Ты ведь завтра с утра в город собирался? Я Рэю пообещала, что ты его до вокзала подбросишь, а то мне прямо не по себе, что он из-за меня от поезда отстал.

Улыбка с лица Михаила тут же сползла. Он отложил вилку и с досадой потёр переносицу:

— Вер, я тебе сказать не успел… Машина наша сегодня после обеда опять заглохла и заводиться наотрез отказывается. Я как раз перед приходом Рэя под капотом возился. До конца августа надо кровь из носу её на ход поставить — скоро сентябрь, детей возить нужно, продукты закупать, да и до нормальной станции без колёс отсюда не выберешься. Хотел с самого утра снова разбираться.

— Ох, только этого не хватало… — расстроилась Вера, виновато переводя взгляд на гостя. — Рэй, простите ради бога, я ведь и не знала, что машина сломана, так уверенно вам наобещала…

— Ничего страшного, я никуда не опаздываю, — спокойно ответил Рэй. — Кстати, я неплохо разбираюсь в моторах. Если Михаил не против, могу завтра с утра посмотреть вместе с вами. Вдвоём дело быстрее пойдёт.

Михаил удивлённо приподнял брови, окинув взглядом статного городского фотографа:

— Серьёзно? Руки запачкать не боитесь?

— Не привыкать.

— Ну, если так, то вы меня крепко выручите! — повеселел хозяин дома. — Видать, не зря говорят: всё, что ни делается, — к лучшему. Один человек случайно отстаёт от поезда, а другому позарез нужен помощник с машиной.

Рэй перевёл взгляд на сидевшего напротив мальчишку, который с живым любопытством прислушивался к разговору взрослых:

— А тебе здесь летом не скучно, когда вокруг только лес?

Дэн энергично замотал головой, едва прожевав кусок:

— Не-а! Мне тут скучать некогда, родители вечно какую-нибудь работу найдут — то дрова у сарая сложить, то траву вдоль забора покосить. А когда свободен, я на велике к пацанам в соседнюю деревню гоняю, тут через лес всего несколько километров.

— И чем вы там занимаетесь?

— На речку ездим или на наше лесное озеро ходим.

Сидевшая у края стола Ная, которая почти весь ужин молча листала что-то в телефоне, вдруг подняла глаза:

— На озере и правда очень красиво, — негромко вставила она. — Если вы любите снимать необычные места, вам бы там понравилось.

Дэн тут же подскочил на стуле от восторга:

— Точно! А пойдёмте завтра с нами на озеро! Я вам самую короткую дорогу покажу!

Рэй с лёгким сомнением посмотрел на хозяев:

— Даже не знаю… Удобно ли? Вряд ли родители отпустят тебя одного в лес с человеком, которого видят первый вечер.

— А мы с вами Наю отправим за компанию, — просто решила вопрос Вера.

Девушка удивлённо вскинула брови, глянув на мать:

— Меня? С чего вдруг?

— Прогуляешься заодно, воздухом подышишь, вместо того чтобы весь день в комнате сидеть.

— Я вообще-то не особо люблю к этому озеру ходить, — без энтузиазма протянула Ная, но, встретившись взглядом с Рэем, чуть помедлила и пожала плечами: — Хотя… почему бы и нет. Всё равно дома делать нечего.

— Ну всё, тогда замётано! — радостно объявил Дэн.

Когда ужин подошёл к концу и Вера начала собирать пустые тарелки, встал вопрос о том, где устроить гостя на ночь. Лишней спальни в доме не было, а диван в гостиной был слишком узким и коротким.

— Ная, придётся тебе на сегодня уступить Рэю свою комнату, — сказала Вера, поворачиваясь к дочери. — Постелешь себе у Дэна на втором ярусе.

— Ну ма-ам… — протянула Ная: её планы на спокойный вечер рухнули в одну секунду.

— Всего на одну ночь, не капризничай.

Ная ещё пару секунд для порядка поиграла в недовольство, но под спокойным взглядом матери сдалась:

— Ладно, уступлю.

Зато Дэн от такого расклада явно не пришёл в восторг:

— А чего сразу Ная ко мне? Давайте лучше Рэя ко мне в комнату поселим!

— Ещё чего, — усмехнулся Михаил, поднимаясь из-за стола. — И о чём вы с ним будете до самого утра трепаться?

— Обо всём! Про поезда и про другие города!

— Вот именно поэтому Рэй будет спать в тишине, а ты — как положено, — отрезал отец.

Дэн разочарованно вздохнул, но спорить не решился. Постепенно домашние начали расходиться кто куда: Вера осталась хлопотать на кухне у раковины, Михаил отправился в мастерскую проверить инструменты на завтра, а Дэн ещё добрых полчаса крутился вокруг Рэя в гостиной, расспрашивая про старую камеру, пока мать не загнала его наверх умываться.

Вскоре дом стих. За окнами окончательно сгустилась августовская темнота.

Не желая сидеть в четырёх стенах, Рэй накинул свой плащ и вышел на просторную деревянную веранду. Ночной воздух после тёплого дома приятно освежал, пахло сосновой хвоей и остывающей после дождя землёй, а в просветах между тучами проступали первые звёзды.

Он не сразу заметил, что на веранде не один. В углу на широкой деревянной скамейке, забравшись с ногами и плотно укутавшись в клетчатый плед, сидела Ная. Рядом с ней стоял небольшой термос с кружкой, а на коленях при свете уличного фонаря от крыльца лежала раскрытая книга.

— Настолько любите читать? — негромко спросил Рэй, подходя ближе, чтобы не напугать её в полумраке.

Девушка подняла голову и захлопнула книгу, оставив ладонь на обложке:

— Честно говоря, не очень. Это по учёбе — пытаюсь подтянуть предметы до сентября. Если повезёт нормально отучиться, смогу наконец уехать отсюда насовсем.

— Не нравится здесь жить?

— Здесь красиво, конечно, — Ная повернула голову, глядя сквозь перила веранды в тёмную стену леса за калиткой. — Но тоскливо. Пока в школе училась, вроде привыкла, а когда начала ездить на пары в город, поняла, что хочу жить там, среди людей. Только родители такие разговоры на дух не переносят — сразу замыкаются или злятся.

Рэй подошёл к скамейке и спокойно опустился рядом с ней:

— Понимаю. Иногда место может быть сколько угодно хорошим и правильным, но просто не твоим.

Ная удивлённо повернулась к нему. Несколько секунд она молча смотрела в его спокойное лицо, словно проверяя, не дежурная ли это вежливость, а потом тихо сказала:

— Вы первый человек, который мне такое сказал.

Глава 4

Некоторое время они сидели молча, слушая, как за перилами веранды в высокой траве стрекочут ночные кузнечики и мерно шумит ветер в верхушках сосен. Было что-то странное в этой тишине: они знали друг друга всего пару часов, но неловкости не возникало — так бывает со случайными попутчиками в ночном поезде, когда незнакомому человеку вдруг оказывается проще сказать правду, чем тем, кто живёт с тобой под одной крышей.

Ная чуть повернула голову и прищурилась, разглядывая своего собеседника в тёплом отсвете фонаря у крыльца:

— Слушайте… а вы всегда так одеваетесь? Как будто сбежали со съёмок старого детектива.

Рэй коротко усмехнулся, опустив взгляд на полы своего длинного чёрного плаща:

— Либо так, либо выгляжу как какой-нибудь наркоман в худи.

Ная тихо рассмеялась, кутаясь глубже в плед:

— Да у нас в городе так половина парней ходит, и ничего. А вот ваш вариант выглядит… слишком уж драматично. Честно говоря, вам не идёт.

— Это приговор?

— Дружеский совет. Попробуйте при случае что-нибудь менее театральное. — Она чуть склонила голову к плечу, с любопытством вглядываясь в его спокойное лицо: — Вы и правда фотограф? Или камера в сумке — это тоже часть загадочного образа?

— Правда фотограф, — улыбнулся уголком губ Рэй. — Частные заказы, архивы, разъезды. Но больше всего люблю снимать то, что попадается по дороге само, без всякой постановки.

— И много где бывать приходилось?

Рэй задумчиво откинулся спиной на деревянные перила веранды, глядя в темноту сада:

— Достаточно. Когда долго живёшь на колёсах, страны начинают запоминаться не названиями, а какими-то случайными мелочами. Однажды я снимал старый прибрежный городок в Португалии — там улочки у порта такие узкие, что если раскинуть руки в стороны, ладонями сразу достанешь до каменных стен с обеих сторон. И весь город насквозь пропах мокрой солью, водорослями и жареной рыбой. А в одном маленьком местечке в Польше я как-то застрял поздней осенью: старый вокзал там просто запирали снаружи на замок до самого утра, и все припозднившиеся пассажиры оставались ночевать прямо внутри холодного зала, потому что вокруг на десятки километров не было ни одной гостиницы.

Ная слушала его, не перебивая, обхватив ладонями крышку термоса. В его рассказе не было хвастовства бывалого путешественника — только тихая усталость. Он видел слишком много чужих берегов, но ни к одному из них так и не прирос.

— И вам не надоедает так жить? — спросила она уже совсем другим тоном — тише и серьёзнее, без прежней иронии. — Всё время в дороге, с одной сумкой, среди чужих людей?

— Иногда надоедает всё, — честно ответил Рэй после небольшой паузы. — Поезда, гостиницы, мелькающие лица, чужие города. В какой-то момент кажется, что едешь просто по инерции, без всякого обратного билета. Но оставаться подолгу на одном месте, когда тебя там ничто не держит, оказывается ещё тяжелее.

Ная задумчиво опустила ресницы. Другой на её месте вряд ли уловил бы за этими спокойными словами ту глухую пустоту, с которой он ехал на север, но ей это чувство — желание вырваться и уехать хоть на край света от вязкого одиночества — показалось пугающе близким.

— А вы? — негромко спросил Рэй, переводя взгляд на книгу у неё на коленях. — На кого учитесь в городе?

— На ландшафтного дизайнера, — Ная слабо улыбнулась.

— Серьёзно? — он кивнул в сторону темнеющих кустов за перилами. — Хотя, глядя на ваш палисадник с лилиями, это уже не кажется совпадением.

— Мама тоже дизайнер, — пояснила Ная, проводя пальцем по корешку учебника. — Она всё надеется, что я получу диплом, передумаю уезжать и останусь здесь вместе с ней возиться с оранжереей и клумбами. А я не могу. Я ведь до сих пор помню, как мы жили в городе, когда я ещё в начальную школу ходила — там всё вокруг двигалось, шумело, кипело. И сейчас, когда я приезжаю в будни на учёбу, у меня такое чувство, будто я наконец выныриваю и начинаю дышать полной грудью. А здесь… здесь время словно замерзает. Наступают выходные, я возвращаюсь домой в этот лес, и мне каждый раз кажется, что мою настоящую жизнь просто поставили на паузу и забыли включить обратно.

Рэй ничего не ответил. Он просто молча смотрел на неё в полумраке веранды — на живую, упрямую девушку в большом клетчатом пледе, с выбившимися из пучка рыжевато-каштановыми прядями, которой этот тихий, отгороженный от мира палисадник давно стал тесен, как клетка. И впервые за очень долгое время он поймал себя на том, что внимательно слушает чужой голос не из вежливости, а потому, что ему не хочется, чтобы она замолкала.

В этот момент дверь дома позади них приоткрылась, и на веранду выплыл встревоженный голос Веры:

— Ная! Уже поздно, хватит на сырости сидеть, простынешь! Иди в дом!

Ная чуть вздрогнула от неожиданности, поправила сползший с плеча плед и с виноватой, тёплой полуулыбкой посмотрела на Рэя:

— Похоже, меня тут до старости будут считать маленьким ребёнком.

— Для родителей это неизлечимо в любом возрасте, — мягко усмехнулся он, поднимаясь со скамейки вместе с ней.

Ная тихо засмеялась, прижала к себе книгу и взяла со скамьи термос:

— Спокойной ночи, Рэй.

— Спокойной ночи, Ная.

Она шагнула к входной двери, уже взялась за ручку, но на пороге вдруг помедлила на секунду и оглянулась на него через плечо — словно хотела добавить что-то ещё. Однако так ничего и не сказала, только чуть заметно улыбнулась и тихо прикрыла за собой дверь.

Глава 5

Когда в доме наконец стихли шаги и погас свет на обоих этажах, Рэй остался в комнате Наи один.

Он вытянулся на её заправленной кровати поверх одеяла, закинув одну руку за голову, но даже не пытался сомкнуть глаз. Спать он не мог — да и не нуждался во сне так, как люди.

В темноте чужой девичьей спальни всё казалось странным и непривычно живым. Вера перед сном постелила для него свежее, хрустящее от стирки бельё, пахнущее речной свежестью и утюгом, но обмануть его обострённое восприятие было невозможно. Сквозь чистоту наволочки, от мягкого пледа на спинке кровати, от книг на полке и самого воздуха комнаты тянулся тонкий, едва уловимый, но совершенно отчётливый запах самой Наи.

Он не был похож ни на какие духи — это был живой запах её кожи и волос, который по какой-то необъяснимой причине действовал на Рэя сильнее любого дурмана. Он пока сам не понимал почему, но с того самого разговора на веранде этот запах буквально въелся ему в память, не давая сосредоточиться ни на чём другом.

Рэй с глухим вздохом повернулся на бок, невольно зарываясь лицом глубже в подушку. Потом сел, достал из кармана телефон, машинально полистал пустой экран без новых уведомлений, проверил расписание поездов по соседней узловой станции и снова отложил аппарат на тумбочку. Мысли упорно возвращались к хозяйке этой комнаты.

Опустившись обратно на спину и глядя в белеющий в темноте потолок, он вдруг поймал себя на шальной, непрошеной мысли: ведь это её постель. И если быть до конца честным с самим собой, сейчас он был бы совсем не против вдыхать этот тёплый, сводящий с ума запах не с холодной ткани свежего белья, а прямо с её живой кожи — здесь, в этой самой кровати.

Рэй резко прикрыл глаза и мысленно одёрнул себя, отмахиваясь от этого наваждения: «Ещё чего не хватало. Она совсем молодая, у неё впереди нормальная человеческая жизнь, а ты завтра утром сядешь в машину её отца, уедешь и больше никогда сюда не вернёшься».

До самого рассвета он так и проворочался с этими мыслями, слушая, как за окном шумит ветер в соснах. А когда сквозь шторы пробился первый серый утренний свет, Рэй не стал спускаться сразу. Он продолжал тихо лежать, прислушиваясь к звукам просыпающегося дома за стеной, пока наконец не уловил лёгкие шаги по коридору и тихий скрип лестницы — Ная проснулась и пошла вниз, на кухню.

Выждав пару минут, чтобы это выглядело случайностью, но не упуская шанса перекинуться с ней хотя бы парой слов наедине, Рэй поднялся с кровати, быстро привёл себя в порядок и бесшумно спустился на первый этаж.

На кухне было тихо и светло от утреннего солнца. Ная сидела за столом в домашней футболке, подперев щёку кулаком; перед ней дымилась большая кружка кофе, а рядом лежала всё та же вчерашняя книга. Она сонно перелистывала страницы и заметила Рэя только тогда, когда он остановился у стола.

— Доброе утро, — негромко поздоровался он.

— Доброе, — Ная чуть выпрямилась, убирая за ухо выбившуюся прядь волос. — Надеюсь, в моей комнате вам нормально спалось? А то у Дэна на втором ярусе кровать скрипит при каждом повороте.

— Вполне. Извините, что выселил вас на ночь.

— Переживу, — с лёгкой улыбкой махнула она рукой и кивнула на стеклянный кофейник на плите: — Кофе будете? Я только что сварила, ещё горячий.

— Нет, спасибо.

— Не любите кофе по утрам? — удивилась она. — Мне казалось, все творческие люди на нём только и живут.

Рэй опёрся плечом о дверной косяк, чуть усмехнувшись:

— Скорее, просто не очень в нём нуждаюсь. Мой организм и без кофеина неплохо справляется.

— Надо же, — протянула Ная, разглядывая его поверх кружки уже не сонно, а с тем тихим любопытством, которое появилось у неё после их вчерашнего разговора на веранде. — Даже не представляю, как можно проснуться без кофе.

— Считайте это одной из моих странностей.

Она коротко кивнула, словно приняла его ответ к сведению и запомнила, а потом опустила взгляд к раскрытой странице, но в строчки явно уже не вчитывалась.

Рэй задержался у стола ещё на пару секунд, прислушиваясь к звукам с улицы:

— Я ведь вчера обещал вашему отцу помочь с машиной. Он уже встал?

— Давно. За домом во дворе ковыряется, — ответила Ная, поворачивая голову к приоткрытому окну. — Если прислушаться, отсюда всегда слышно, как он с ней ругается.

— Понял. Пойду спасать положение, — улыбнулся уголком губ Рэй и вышел из кухни.

Во дворе за домом действительно что-то глухо стукнуло, следом донёсся сердитый возглас Михаила и звонкий смех Дэна, который уже крутился рядом с отцом. Рэй спустился с крыльца и свернул за угол.

Михаил стоял, глубоко склонившись под поднятый капот старой машины, и вполголоса крыл на чём свет стоит заклинившую деталь. Прямо на траве у колеса на расстеленной тряпке лежали россыпью ключи и отвёртки. Услышав шаги, хозяин дома выпрямился и удивлённо вытер испачканный мазутом лоб тыльной стороной запястья:

— О, вы уже на ногах? А я думал, городские гости в такую рань ещё спят.

— Доброе утро. Вы вчера говорили, что со стартером и зажиганием беда — давайте посмотрим, пока день не разгулялся.

Михаил прищурился, словно проверяя, не из вежливости ли гость это предлагает:

— Значит, не передумали за ночь?

— Нет, — с улыбкой ответил Рэй, закатывая рукава своей тонкой чёрной кофты до локтей. — Показывайте, на чём вчера остановились.

Михаил с досадой бросил разводной ключ на тряпку к остальному инструменту:

— Да я с ней уже вторую неделю бьюсь! То одно сыплется, то другое. Вчера ещё с утра завелась как часы, а после обеда встала колом — решила характер показать.

— У машин не бывает характера, — спокойно заметил Рэй, наклоняясь над мотором и внимательно осматривая узлы. — Это просто металл и механика. У любой поломки есть причина.

— Ну, для кого-то, может, и просто железо, а для меня — целая жизнь, — с тёплой усмешкой возразил Михаил и почти ласково похлопал ладонью по выцветшему крылу. — Я ведь на ней Веру из роддома забирал, когда Дэн родился. На ней Наю в первый класс отвозил. Столько дорог намотали, что теперь и списывать рука не поднимается.

— Тогда тем более не будем списывать, — отозвался Рэй. — Подайте-ка мне ключ на четырнадцать, посмотрим, что тут можно сделать.

Первые полчаса они работали почти молча, понимая друг друга с полуслова. Михаил подавал нужные головки и отвёртки, на ходу поясняя, какие узлы уже перебирал на днях, а Рэй сосредоточенно проверял соединения и задавал короткие, точные вопросы. Очень скоро стало ясно, что в старой технике гость разбирается не хуже заправского механика.

— Сейчас, погоди, тут крепление совсем не идёт, — пробормотал Михаил, перехватывая тяжёлый гаечный ключ и всем весом наваливаясь на прикипевшую намертво стальную гайку. Металл даже не шелохнулся, только ключ со звоном сорвался со сбитых граней, едва не ободрав ему костяшки. — Закисла наглухо, зараза. Никаким рычагом не берёт. Пойду в сарай за обрезком трубы и керосином, отмочим её, иначе резьбу к чертям сорвём.

Он развернулся и шагнул было к сараю, но не успел отойти и на три шага, как за его спиной раздался короткий, тугой металлический скрежет.

Михаил обернулся — и застыл на месте.

Рэй стоял у открытого капота без всякого инструмента в руках. Забывшись на секунду, он просто ухватил прикипевшую гайку голыми пальцами и одним плавным, небрежным усилием кисти стронул её с мёртвой точки, открутив по ржавой резьбе так легко, словно это была пластиковая крышка от бутылки.

Поймав на себе ошеломлённый, потяжелевший взгляд хозяина дома, Рэй мгновенно осёкся. Как ни в чём не бывало он подхватил с крыла гаечный ключ и положил откученную гайку рядом:

— Кажется, вы её уже почти расшатали. Дальше сама пошла.

Михаил ничего не ответил — только медленно перевёл взгляд со стального крепежа, который секунду назад не поддавался ключу, на спокойное лицо и чистые пальцы своего гостя. В глазах Михаила в это мгновение погасло последнее сомнение, уступив место тяжёлой, сосредоточенной думе.

Спустя пару часов упорной возни машина наконец сдалась. При очередном повороте ключа стартер бодро крутанул маховик, двигатель сначала недовольно чихнул, выбрасывая сизый дымок, а следом ровно, уверенно заурчал.

Михаил на секунду замер, прислушиваясь к чистому звуку мотора, а потом победно хлопнул ладонью по капоту:

— Есть! Живая! — выдохнул он с таким неподдельным облегчением, словно с его плеч свалилась гора, и с благодарностью повернулся к Рэю: — Слушай, ты меня просто спас. Я уж, грешным делом, думал, придётся её на запчасти разбирать.

— Ничего особенного, тут просто пара узлов забилась и контакт отходил, — спокойно ответил Рэй, обтирая руки сухой ветошью.

— Да ладно тебе скромничать! Я в этом железе полжизни копаюсь, и то не сразу понял, где копать, а ты работаешь так, будто такие моторы с закрытыми глазами сто раз собирал. — Михаил с лёгким прищуром посмотрел на него: — Руками ты, я смотрю, работать умеешь.

— За столько лет чем только не приходилось заниматься, — не подумав, усмехнулся Рэй.

Михаил тут же вскинул взгляд, цепляясь за оговорку:

— За столько лет? Тебе ведь на вид ещё и тридцати нет.

Рэй едва заметно качнул головой, исправляя промах:

— Я имею в виду, с тех пор как из дома уехал. Жизнь разному учит.

— Это верно. Жизнь — штука такая… — задумчиво протянул Михаил, не сводя с него внимательного взгляда.

В этот момент со стороны крыльца раздался звонкий голос Веры:

— Мужчины, бросайте свои железки, идите обедать!

Услышав про обед, Дэн тут же сорвался с места и побежал к дому первым; следом за ним неспешно двинулся Рэй. Но у самого входа на веранду мальчишка на бегу неловко задел рукой разросшийся куст садовых роз. Острый шип глубоко полоснул по ладони, и на коже мгновенно набухла яркая алая капля крови.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.